

А. Д. Кантемир

Предтекстовые задания

1. Вспомните главные особенности русского силлабического стихотворства. Приведите примеры силлабических поэтов и их излюбленные жанры.
2. Что такое «эпоха дворцовых переворотов»? Опишите важнейшие коллизии борьбы за власть в этот период?
3. Вспомните главные явления русской сатирической литературы 17 – начала 18 вв.
4. Как происходило усвоение античности в русской культуре 17 – начала 18 вв.?
5. Найдите информацию о политической и культурной деятельности Феофана Прокоповича после смерти Петра I.

Лекция

В любой национальной литературе бывают писатели, которые оказались как бы оттесненными на периферию национальной культурной жизни. Их достоинства признаются, их творчество высоко оценивается, но их художественный мир, их место в литературной эволюции воспринимается как что-то боковое, как какой-то интересный, важный, альтернативный, но все-таки тупиковый путь национального развития. Именно так в течение долгого времени относились и, по существу, до сих пор во многом относятся к творчеству А. Д. Кантемира. (2) По существу, не найдется ученого или человека, который размышляет, говорит или пишет о русской литературе, которые бы отрицали достоинства Кантемира. Уже Г. Р. Державин справедливо говорил: «Старинный слог его достоинств не умалит. Порок, не подходи, сей взор тебя ужалит!» Эта высокая оценка сохраняется по отношению к Кантемиру и до настоящего времени. Но в словах Державина есть очень точное указание на отношение поздней русской культуры к Кантемиру. Признавая его достоинства, позднейшая русская культура, вместе с тем, склонна видеть в Кантемире представителя старинного слога, то есть выразителя тех литературных традиций и направлений, которые, в принципе, оказались за бортом, оказались на периферии, и Кантемир, при всем своем значении, при всех своих достоинствах, воспринимается как автор, который в какой-то степени стоит на обочине той дороги, по которой идет русская литература. Вместе с тем, это все-таки не совсем так. Когда мы говорили о реформе русского стиха, то говорили о том, что современная поэзия позволяет увидеть неисчерпанность силлабики, и в связи с этим силлабическая поэзия Кантемира, силлабический стих Кантемира, который и определяет его периферийное место в русской культуре, вдруг оказывается востребованным. Через многие поколения - по существу, через два века – Кантемир перебрасывает мост в современную

русскую поэзию и оказывается близким начинаниям некоторых наших современников, в частности, И. Бродского. И не случайно в середине 60-х годов Бродский пишет текст «Подражание сатирам, сочиненным Кантемиром. На объективность». Вот начало этой сатиры: «Зла и добра, больно умен, грань почто топчешь? Та ли пора? Милый Дамон, глянь, на что ропщешь. Против вины чьей, не кричи, страсть обуяла? Ты ли с жены тащишь в ночи часть одеяла? Топчешь, крича: "Благо не печь. Благо не греет". Но без луча, что ни перечь, семя не зреет». Этот фрагмент Бродского – «Подражание сатирам, сочиненным Кантемиром» - оказывается действительно очень близкой имитацией, стилизацией кантемировских сатир. Достаточно обратиться к любой из сатир Кантемира, чтобы в этом убедиться. Например, начало 3-й сатиры, «Сатира 3. О различии страстей человеческих. К архиепископу Новгородскому»: «Дивный первосвященник, которому сила вышней мудрости все тайны свои открыла. И все твари, что мир сей от век наполняют, показала, изъяснив, от чего бывают, Феофан, которому все то далось знати, здрава человека ум что может поняти». Этот пример представляется мне очень важным, но показывает, что Кантемир, при всей своей устарелости, альтернативности и периферийности его художественного мира, все-таки оказывается автором, чрезвычайно важным, связанным, пусть через многие поколения, с современным движением русской литературы. Кроме того, роль этого писателя вообще чрезвычайно велика. Без его творчества нельзя себе представить ни литературной жизни его времени, ни литературы 18 века. Его творчество неразрывно связано и с развитием русской сатиры – в связи с этим вся русская сатирическая литература вплоть до наших дней, вплоть до Войновича, например, оказывается в генетическом отношении связанной с Кантемиром.

Кто же такой А. Д. Кантемир? Сам он в надписи к своему портрету писал: «Кто я таков, не скажу. А вот мне приметы: не русак, дик именем, млады мои лета». Эта сатира писалась в ранние годы, в молодости Кантемира, поэтому возникает формула «млады мои лета», но, в принципе, данные слова полностью характеризуют Кантемира. Это действительно человек, наделенный необычайным именем, и именем, и фамилией – Антиох Кантемир. Это не русский, это человек, который вообще прожил недолгую жизнь: Кантемир скончался, когда ему было всего 36 лет.

Антиох Дмитриевич Кантемир родился в Молдавии, он был молдаванином по национальности и принадлежал к одной из самых знаменитых в истории Молдавии семей. Его отец, Дмитрий Кантемир, был правителем Молдавии, господарем. В 1711 году, во время Прутского похода Петра I, Дмитрий Кантемир перешел на сторону русских и после неудачи военного предприятия Петра, направленного против русских бежал в Россию. (1) С 1711 года Дмитрий Кантемир со своей семьей, в которую входил его трехлетний сын Антиох, проживает в России. В России деятельность Дмитрия Кантемира была достаточно

разнообразной, и именно в России Дмитрий Кантемир создал основные свои литературные сочинения. Дело в том, что Дмитрий Кантемир был не только политическим деятелем, в принципе, довольно неудачливым, он был человеком чрезвычайно образованным и очень талантливым писателем. Целый ряд его сочинений, в частности, его «История Турецкой империи», которая была написана по-латыни, стал одним из главных источников знаний о Турции и Персии для европейских авторов. В частности, сведения о турецкой жизни оттуда черпали и Монтескье, и Вольтер, и аббат Прево, и многие другие французские авторы, пользовавшиеся французским переводом его труда. Вполне естественно, что обстановка в доме этого бывшего правителя Молдавии, а ныне иммигранта, беженца и писателя, была достаточно интеллектуальной. Его жена происходила из знаменитого византийского, греческого рода Кантакузенов, среди ее предков были византийские императоры. В семье Кантемира, как часто в семьях этого типа – в семьях православных балканских и греческих христиан – говорили по-итальянски, и Антиох Кантемир с молодости, вернее, с самого детства был погружен в атмосферу высокой интеллектуальной жизни. Его знания были усовершенствованы благодаря его учению у профессоров Славяно-греко-латинской академии, позднее, когда Кантемир перебрался в Петербург, он учился у профессоров Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, у профессоров Академического университета. Совсем молодым человеком, в конце 20-х годов, Кантемир начинает литературную деятельность. Его первые сатиры датируются 1729 годом. В этот момент он сближается с архиепископом Новгородским, которому он посвятил 3-ю сатиру, начало которой я уже читал, то есть Феофаном Прокоповичем. Вместе с Феофаном Прокоповичем и другими просвещенными сторонниками петровских реформ Кантемир входит в так называемую «Ученую дружину» - интеллектуальный и, в известной мере, политический кружок, целью которого была защита и развитие петровских преобразований. **(3)** В связи с этим Кантемир занял очень твердую и для него, надо сказать, выгодную позицию в сложном, альтернативном и, в известной мере, трагическом для русской истории 1730 году. Когда императрица Анна Иоанновна приняла кондиции верховников, то есть согласилась на ограничение своей власти, Кантемир, в числе других представителей петербургского и московского дворянства, начал вести борьбу с замыслами Верховного тайного совета. И когда императрица получила прошение от дворян порвать эти кондиции, Кантемир в процессе передачи этого прошения играл одну из самых важных ролей. Именно он передал прошение петербургского дворянства в руки императрице. В результате Верховный тайный совет, как известно, был распущен, и Кантемир оказался все-таки в числе людей, так или иначе близких императрице Анне Иоанновне. **(4)** Правда, эта близость была очень недолгой, и, в принципе, это даже не была близость. Сам Кантемир не получил той награды, которой

он ожидал, а Кантемир хотел стать президентом Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Однако вместо этого через какое-то время, в 1732 году, он был отправлен послом сначала в Лондон, а потом в Париж. Последние 12 лет своей жизни он провел за границей, и во Франции он и скончался в 1744 году. Надо сказать, что деятельность Кантемира-дипломата была очень значительной, к России относились чрезвычайно отрицательно: и по политическим соображениям, и, кроме этого, существовала и в 18 веке определенная русофобия, на «москалей», на «москвитян» как на дикарей, и в этих условиях Кантемир сделал очень много для того, чтобы авторитет русской страны, русской культуры, русского человека поднялся. Среди его знакомых были не только политические деятели, министры, но и многие писатели, в частности, Монтескье, и, общаясь с ними, Кантемир своим собственным примером показывал достаточно высокую степень культурного развития русского общества.

Деятельность Кантемира-дипломата, политического деятеля очень важна. Но, конечно, главным, основным для Кантемира было литературное творчество. Именно как литератор, как писатель, Кантемир и остался в истории русской литературы. Деятельность Кантемира-писателя сама по себе была достаточно разнообразной. Кантемир постоянно выступал как поэт: он писал сатиры, оды (он называл оды «письмами»), басни, эпиграммы, надписи. Своим творчеством он очень расширил жанровый репертуар русской поэзии, которая в тот момент как раз оказалась на переломе: русская поэзия переходила от старой силлабической книжной церковной поэзии, книжного церковного «виршеслагания» к новой поэзии силлаботонического характера. Кантемир, как мы с вами говорили на лекции, посвященной реформе русского стиха, не принял реформу русского стиха, он продолжал писать силлабические стихи, но по своему жанровому составу его поэзия несоизмеримо ближе к поэзии Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова, чем силлабическая поэзия его предшественников. Кантемир обращался и к прозе, и прежде всего это научная проза. Тут надо назвать его филологические труды, и прежде всего его «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов российских» - это его трактат, в котором он отстаивает достоинства силлабического стихотворства. Замечательным образцом филологической прозы являются и огромные примечания к сатирам – свои сатиры Кантемир снабжал обширными примечаниями, в которых он объяснял какие-то реалии, приводил примеры из других авторов, которых он упоминал, прежде всего античных авторов. Эти примечания, в известной мере, познакомили или могли бы познакомить русских читателей с античной литературной традицией, с многими античными жанрами, с жанрами современной литературы. К сожалению, эти примечания, так же как и сатиры Кантемира, остались малоизвестными, так как Кантемиру не удалось при своей жизни опубликовать свои

произведения – они распространялись только в рукописях. Надо назвать также прозаический перевод книги Фонтенеля «О множестве миров», который был выполнен в 1730 году, но издан только в 1740. При этом этот трактат астрономического антиклерикального произведения раннего французского просветителя интересен тем, что в его переводе Кантемир многое сделал для создания, выработки русского прозаического научного языка, который, по существу, отсутствовал. И в истории научного дискурса русской культуры перевод Кантемира оказывается очень важным. Кантемир очень много переводил: не только прозу, он переводил и поэзию, прежде всего, он переводил Горация и Анакреона. Надо сказать, что переводы Кантемира из Горация и Анакреона, может быть, немного неуклюжи, на наш взгляд. Они производят впечатление какого-то неясного и бесформенного слепка с гениального подлинника. Если мы сравним с тем, что делалось с анакреонтическими одами позднее, мы увидим разительную разницу. В качестве примера можно взять для сравнения два анакреонтических текста: перевод Кантемира и поздний перевод Пушкина. «Кони убо на стегнах выжженный имеют знак, и парфянских всяк мужей по шапке может узнать. Я же любящих тотчас лишь увижу, познаю, того бы, что бедные в сердце скрывают своим, на лице видится знаком». Вот перевод Кантемира, а вот пушкинский перевод: «Узнают коней ретивых по их выжженным таврам; узнают парфян кичливых по высоким клобукам; я любовников счастливых узнаю по их глазам: в них сияет пламень томный - наслажденья знак». Разница, конечно, разительная, но вместе с тем, не надо забывать о том, что Кантемир был первым, и в знакомстве русской поэзии с Анакреоном и Горацием роль Кантемира очень велика. Именно от Кантемира начинается история русского гораццианства и анакреонтики. Вернее, у Кантемира были предшественники, в частности, Феофан Прокопович, но традиции переводов из Горация и Анакреона, гораццианство и анакреонтика как явления русской культуры восходят все-таки именно к Кантемиру. Стоит обратить внимание и на то, что Кантемир начал писать русскую героическую поэму, по существу, первую героическую поэму «Петрида», но, к сожалению, ее не окончил. Как мы видим, литературная деятельность Кантемира была разнообразной и в высшей степени значительной. Но все-таки из всего разнообразия его литературной деятельности особенно важны для нас его сатиры, именно своими сатирами Кантемир и оставил неизгладимый след в истории русской литературы. Всего Кантемир написал 9 сатир. Это большие тексты. Обращаясь к жанру сатиры, он, с одной стороны, опирался на традиции греческой и, конечно, римской, прежде всего, сатиры – это сатиры Горация, сатиры Ювенала. С другой стороны, как показал Л. В. Пумпянский, для Кантемира была очень важна традиция французской моралистической прозы и прежде всего знаменитого романа Жана Лабрюйера «Характеры, или Нравы нашего века». Все сатиры Кантемира, в принципе, однотипны по своей структуре. Они написаны

силлабическим стихом, достаточно велики по объему, и, как правило, в них присутствуют две тематических линии. С одной стороны, изображаются носители истинных знаний, выводятся характеры людей добродетельных и достойных, и с позиций этих истинных знаний, этой верной жизненной позиции обличаются недостатки, пороки времени – невежество, дикость, дворянское чванство, неуместные претензии аристократии, невежество монахов и так далее. В соответствии с этими двумя началами оказываются и названия кантемировских сатир: как правило, сатиры Кантемира имеют всегда два названия, например, 1 сатира «На хулящих учение. К уму своему», или 3 сатира «О различии страстей человеческих. К архиепископу Новгородскому», или 4 сатира «О опасности сатирических сочинений. К музе своей», или замечательная 7 сатира «О воспитании. Князю Никите Юрьевичу Трубецкому». Кстати, Н. Ю. Трубецкой был воспитателем одного из самых замечательных писателей и, главное, людей 18 века – М. М. Хераскова. В связи с этим сатира Кантемира об истинном воспитании, обращенная к его другу Н. Ю. Трубецкому, как видно, прошла не даром. Для того, чтобы представить более подробно структуру сатир Кантемира, можно обратиться к 1, знаменитой его сатире «На хулящих учение. К уму своему». Эта сатира строится следующим образом. В начале автор обращается к своему адресату, то есть к самому себе, к собственному уму, и в разговоре со своим умом, в разговоре с самим собой он определяет истинную жизненную позицию, которую должен занимать достойный, образованный человек. В беседе Кантемира с самим собой, вернее, автора сатиры с самим собой, определяется положительное содержание человеческой жизни, определяются те достоинства, которые необходимы для каждого человека. Затем Кантемир обращается к критике невежественных людей, «хулящих учение», и затем в конце он говорит о нынешнем положении просвещения в России и о своих надеждах на то, что эта ситуация изменится, и благодаря новому императору Петру II восторжествуют истинные знания. Сатирически обличая недостатки своих противников, обличая хулителей учения, Кантемир использует прием сатирической маски: он не от своего имени, не авторским словом бичует невежество противников просвещения, он дает слово им самим, он выводит противников учения как бы от своего имени, они высказывают свои претензии к науке. И их маленькие монологи так дики, так нелепы, что они дискредитируют и этих конкретных персонажей, и вообще всех противников учения. Например, один из этих противников учения, Кретон, обличает науки за следующие их качества: «Раскола и ереси науки суть дети; больше врет, кому далось больше разумети; приходит в безбожие, кто над книгой тает». Другой герой, Сильван, полагает, что занятия науками отвращают людей от труда, и начинается голод, начинается в стране бедность. «Сильван другую вину наукам находит: «Учение, - говорит, - нам голод наводит; живали мы преже сего, не зная латыне, гораздо обильнее, чем мы живем ныне;

гораздо в невежестве больше хлеба жали; переняв чужой язык, свой хлеб потеряли». Следующий герой, Лука, полагает, что науки препятствуют людям выполнять главное свое назначение – общаться с другими людьми, проводить время в пирах, за чашей вина: «Наука содружество людей разрушает; люди мы к сообществу божия тварь стали, не в нашу пользу одну смысла дар прияли. Что же пользы иному, когда я запрюся в чулан, для мертвых друзей – живущих лишуся, когда все содружество мое, вся моя ватага будет чернило, перо да бумага? В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати...» и так далее. Эти образы хулителей учения, дискредитирующие всех противников наук, позволяют Кантемиру обличить те недостатки русского общества, против которых направлена 1 сатира. По существу, этот же принцип сатирического осмеяния мы обнаруживаем и в других его сатирах, и это очень существенно. Дело в том, что именно благодаря такой двойной структуре сатирического текста, двойной структуре своих поэтических сатир Кантемир и сыграл поистине революционную роль в развитии русской литературы, в частности в развитии русского смеха. Ведь, как мы видели, в его сатире субъект сатирического обличения и объект сатиры всегда разделяются. Человек, который смеется, сам не обнаруживает в себе тех недостатков, которые он высмеивает. Автор и его ум, автор и архиепископ Новгородский, автор и его муза, автор и его друг Н. Ю. Трубецкой – все они никак не связаны с теми недостатками, высмеивание которых составляет вторую тематико-стилистическую линию кантемировской сатиры, то есть, вновь повторю, происходит разделение субъекта и объекта сатиры, а это чрезвычайно важно. Дело в том, что до Кантемира в русской культуре мы, по существу, не находим того, что мы можем назвать сатирическим произведением. До Кантемира в русской литературе смех был связан с тем, что М. М. Бахтин назвал народной смеховой культурой, то есть объект и субъект смеха не разделялись. Тот, кто смеялся, смеялся прежде всего над самим собой. Это мы обнаруживаем в едва ли не единственном смеховом тексте, который дошел до нас от древнерусской литературы в собственном смысле слова, то есть от 13 века – это «Моление» и «Слово Даниила Заточника». То же самое мы обнаруживаем в сочинениях Ивана Грозного, где присутствуют смеховые моменты, как показал Л. С. Лихачев, но они тоже связаны с тем, что субъект текста, то есть автор, в известном смысле смеется сам над собой. И это же мы можем сказать о 17 веке. То, что мы не совсем правильно называем сатирой 17 века – «Калязинская челобитная», «Служба кабаку», «Лечебник на иноземцев», «Шемякин суд» - все это ничто иное, как народная смеховая культура, где субъект и объект смеха соединяются. Кстати, как показали исследования А. М. Панченко, которые вошли в его книгу «Русская культура в канун петровских реформ», то же самое можно сказать о смеховых начинаниях Петра I. Его Всешутейский собор и другие его смеховые начинания тоже связаны с этой самой народной

смеховой культурой. Народная же смеховая культура, где субъект и объект неразделимы, никогда не носит обличительного характера. Как прекрасно показал Бахтин, эта народная смеховая культура направлена прежде всего на то, что бы освободить человеческую личность от каких-то запретов. Она раскрепощает человека, позволяет чувствовать себя свободным, и в этом отношении народная смеховая культура всегда носит позитивный, положительный и не обличительный характер. А вот в сатирах Кантемира, в которых субъект и объект смеха разделились, смех, соответственно, приобрел резкий сатирический характер. Автор уже смеется не над собой, он смеется над другим, смеется для того, чтобы при помощи смеха обличить недостатки. Перед нами настоящая сатира. И правильно писал Державин: «Порок, не подходи! Сей взор тебя ужалит!» Ни автор «Калязинской челобитной», ни Петр I не стремились своим смехом «ужалить порок», а вот Кантемир стремился это сделать. И в этом отношении творчество Кантемира – это действительно настоящая сатира, которая оказала очень сильное влияние на сатирическую литературу 18 века. И сатиры А. П. Сумарокова – его собственно сатиры, его другие сатирические тексты, например, комедии, басни, которые у Сумарокова связаны с сатирическим началом, и сатирическая журналистика, весьма многообразная, и творчество Крылова так или иначе связаны с традициями Кантемира. Можно сказать, что Кантемир действительно совершил грандиозный перелом в истории русской литературы. С него начинается совершенно новый этап в истории русского смеха, истории русской сатиры, и этот факт позволяет видеть в Кантемире одного из самых замечательных писателей 1-й половины 18 века. Кантемир очень многое определил в дальнейшем литературном движении. При этом, и с этого я начал свою лекцию, современная поэзия показывает, что, несмотря на некоторую тупиковость, несмотря на консерватизм стиховой позиции Кантемира, его поэзия оказалась в чем-то созвучной современной русской поэзии. Как я уже сказал, между Кантемиром и современной поэзией через толщу десятилетий, даже столетий, перекидывается определенный мостик. И мы можем с приятным чувством сказать, что Кантемир, пусть отчасти, пусть отдельными своими сторонами, но оказывается фактом и современной русской литературы.

Притекстовые задания

1. Что вы знаете о Прутском походе Петра I?
2. Когда, где и кем были основаны Славяно-греко-латинская академия, Санкт-Петербургская Императорская Академия наук, Академический университет?
3. Когда в России существовал Верховный тайный совет? Кто в него входил? Какие функции осуществляло это учреждение?
4. Что вы знаете о Фонтенеле?
5. Что вы знаете о Жане Лабрюйере?

Послетекстовые задания

1. Как семейная обстановка Кантемира повлияла на его становление как писателя?
2. «Старинный слог его достоинств не умалит», – писал о Кантемире Г. Р. Державин. Какие особенности творчества Кантемира позволили Державину охарактеризовать стиль Кантемира как «старинный слог»?
3. В чем заключалось «особое мнение» Кантемира по вопросам развития русского стиха?
4. В чем состояла «хаотичность» кантемировского поэтического стиля. Найдите примеры.
5. Опишите структуру кантемировских сатир на примере его первой сатиры.

Задания для самостоятельной работы

1. Задумайтесь над тем, как силлабический стих определял особенности стиля поэзии Кантемира.
2. С какой эпохой, по вашему мнению, Кантемир связан глубже, – с петровской эпохой или с литературой середины века?

Тесты

1. Какой титул носил отец Антиоха Кантемира?
 - герцог
 - царь
 - князь
 - господарь
2. Отец Антиоха Кантемира занимался:
 - архитектурой
 - литературой
 - политикой
 - историей
 - садоводством
3. В каких странах жил Кантемир?
 - Болгария
 - Германия
 - Молдавия
 - Франция
 - Англия
 - Швеция
 - Россия
4. В каких странах Кантемир нес дипломатическую службу?
 - Германия
 - Молдавия

- Франция
- Англия
- Швеция
- Турция
- Италия

5. В каком событии российской истории Кантемир принял непосредственное участие?

- государственный переворот 1741 года
- осуждение царевича Алексея Петровича
- отказ Анны Иоанновны от «кондиций» Верховного Тайного совета
- Семилетняя война

6. К каким литературным жанрам обращался в своем творчестве Кантемир?

- торжественное слово
- комедия
- сатира
- ода
- героическая поэма
- роман
- басня

7. Каких авторов активно переводил Кантемир?

- Анакреонта
- Горация
- Буало
- Расина
- Шекспира
- Петрарку

8. Кому были посвящены сатиры Кантемира?

- Петру I
- Анне Иоанновне
- Третьяковскому
- Н. Ю. Трубецкому
- Феофану Прокоповичу
- Вольтеру

9. Что Кантемир в своих сатирах рассматривал как положительные ценности?

- древность рода
- личные заслуги
- образованность
- богатство
- служебная карьера

10. Как назывался стиховедческий трактат Кантемира?

- «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов российских»

- «Новый и краткий способ к сложению российских стихов»
- «Способ к сложению российских стихов»
- «Письмо о правилах российского стихотворства»
- «О стопосложении»

Биография

КАНТЕМИР Антиох Дмитриевич (10.09.1709, Константинополь — 11.04.1744, Париж), князь. Младший сын молдавского кн. Д. К. Кантемира.

С февраля 1712 семья К. жила в Москве, в 1719 переехала в СПб. После смерти в 1713 матери К. заботы по его воспитанию взяла на себя его старшая сестра Мария. Образованием К., его сестры и братьев занимался до 1721 выехавший в Россию с отцом К. священник Афанасий Кондоиди (греч., лат. и итал. языки и литературы). Уже в детские годы К. читал и учил наизусть Горация и «Неистового Роланда» Л. Ариосто. Фр. языку и, вероятно, истории права К. обучал выпускник Лейпцигского университета И.-Г. Фокеродт, секретарь отца К. в 1715-1718. Вероятно, именно он познакомил К. с фр. поэзией (Н. Буало). Рус. яз. обучал К. выпускник Славяно-греко-латинской академии И. Ильинский, живший в семье К. в 1716-1725.

Отец К. в 1721 стал сенатором и тайн. сов., а в 1722 принял участие в Персидском походе. Семья сопровождала его, но К., его сестра и Ильинский не последовали на театр военных действий, а остались в Астрахани, где К. с 4 июля 1722 по 14 января 1723 учился в школе капуцинов, где познакомился с В. К. Тредиаковским.

По окончании Персидского похода семья К. переехала в свое имение в Орловской губ., где 21 августа 1723 скончался отец К. В мае 1724 в Москве, где находился двор по случаю коронации Екатерины I, К. подал прошение Петру I, в котором просил разрешить ему обучение истории, юриспруденции, а также математике за границей на казенном содержании. Прошение осталось без ответа, и в июне 1724 К. переехал в СПб.

В СПб К. продолжал самообразование и для упражнения перевел с лат. «Синописис историческую» — хронику византийского историка XII в. Константина Манассии. Одновременно К., продолжая занятия фр. яз., начал составлять большой рус.-фр. словарь; эту работу он продолжил в Англии в 1737 (три тома незавершенного «Лексикона славенорусского с французским» сохранились в рукописи). С нач. 1726 К. стал одним из первых студентов Академического университета. Он изучал математику у Ф.-Х. Майера, физику у Г.-Б. Бильфингера, историю у Г.-З. Байера и нравственную философию у Х.-Ф. Гросса, с которым и позже поддерживал дружеские отношения.

В 1726 К. сделал свой первый перевод с фр. — памфлет итал. писателя Д. П. Марана «Письмо, содержащее утешное критическое описание Парижа и французов, писанное от некоего сицилианца к своему приятелю», и составил «Симфонию, или Согласие на богодухновенную книгу псалмов царя и пророка Давида» (СПб., 1727), которую поднес Екатерине I.

В 1727 один из братьев К., Константин, женился на дочери Д. М. Голицына и при помощи всесильного тестя единолично вступил во владение всем наследством отца, нарушив его завещание, согласно которому единственным наследником должен быть тот из сыновей, кто более преуспеет в науках; при этом подразумевался младший сын. В этих обстоятельствах К. был вынужден оставить занятия в Академическом университете и начал военную службу фендриком в л.-гв. Преображенском полку, куда он был записан солдатом еще в 1715. В феврале 1728 полк был переведен в Москву, где после коронации Петра II К. получил чин подпоручика, а затем и поручика. Военную службу он совмещал с литературными занятиями, прежде всего переводами. В 1727-1729 К. перевел четыре сатиры и «Речь королю» Н. Буало. Это были первые переводы фр. классика на рус. яз., причем К. перевел из него больше, чем какой-либо др. переводчик в XVIII в. В 1729 К. перевел с фр. известный

аллегорический дидактический трактат «Картина» ученика Сократа Кебета Фиванского под названием «Таблица Кевика-философа, или Изображение житея человеческого», оставшийся в рукописи. В том же году К. начал переводить с лат. «Историю» Марка Юниана Юстина, краткое изложение всемирной истории Помпея Трога — «Иустинова повсемственная история, из Трога Помпея сокращенно собранная». Эта работа была прервана, а затем продолжена за границей в 1735. Кроме переводов К. принадлежат любовные песни (не сохр., К. сообщает о них в своих примеч. к «Сатире IV» и добавляет, что они пользовались большим успехом), и несколько эпиграмм.

В кон. 1729 К. написал свою первую сатиру «На хулящих учения. Куму своему» — острое выступление против как светского, так и церковного обскурантизма, отчетливо проявившегося в рус. обществе того времени. Создавая новый для рус. литературы жанр сатиры, К. ориентировался на Горация и Буало, которых обильно цитировал в примечаниях, а в обрисовке персонажей — на фр. моралистов (Лабрюйер) и отчасти на современную ему рус. проповедь (Феофан Прокопович). Несмотря на то что персонажи К. носят античные имена, сатира отражает рус. действительность; как и последующие сатиры, она написана «на порок», а не «на лица», поэтому поиски реальных прототипов высмеиваемых персонажей в той или иной степени произвольны. «Сатира I» имела успех и распространялась в списках; Феофан Прокопович высоко оценил ее в стихотворении «К автору сатиры». Через два месяца после первой сатиры, в нач. 1730, К. написал вторую сатиру «На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений», посвященную проблеме истинного и мнимого благородства дворян и необходимости оправдания древности рода новыми заслугами.

В феврале 1730 во время попытки членов Верховного тайного совета ограничить самодержавную власть новой имп. Анны Иоанновны К. решительно выступил против «верховников» на стороне дворянской оппозиции: он собирал в гвардейских полках подписи под обращением к императрице, написал и сам прочел перед ней челобитную от имени дворян об уничтожении «Кондиций», ограничивающих ее власть. Заслуги К. никак не были отмечены новой императрицей, ходили слухи, что К. сам отказался от награды. Внешне его жизнь не изменилась: вплоть до отъезда за границу он служил в гвардии в прежнем звании.

В марте-августе 1730 К. написал первую песнь поэмы «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора всероссийского», но этот первый опыт рус. эпической поэмы остался незавершенным, хотя К. позднее и намеревался возвратиться к ней, собрав «потребные известия», и продолжить «похвалу» Петру I. В августе К. закончил «Сатиру III» «О различии страстей человеческих. К архиепископу Новгородскому» — философскую картину разнообразных человеческих нравов (образы скупого, льстеца, сплетника, ханжи и пр.) с яркими чертами московского быта. Сатиру вместе с благодарственными стихами за прежнее внимание он вручил Феофану.

В том же году К. завершил перевод книги фр. философа-просветителя Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (СПб., 1740; 2-е изд., 1761; 3-е изд., СПб., 1802) — популярное изложение основ мироздания. К. передал перевод в Академию наук, но тема книги — гелиоцентрическое учение Коперника — послужила причиной десятилетней задержки издания, для которого потребовалась двойная цензура — светская и духовная. К., всячески старавшийся ускорить издание книги, получил ее уже в Париже и поднес автору. В 1756 по требованию Синода книга все-таки была запрещена как «противная вере и нравственности» и подлежала уничтожению, однако через несколько лет увидело свет ее 2-е изд.

В 1731 К. закончил «Сатиру IV» «О опасности сатирических сочинений. К музе своей», в которой отстаивал пользу сатиры. Вероятно, летом того же года К. задумывал отдельное издание сатир и написал в подражание «Речи королю» Буало «Речь к <...> Анне Иоанновне», которая могла бы открыть сборник. Замысел издания не был осуществлен, и в августе К. начал «Сатиру V» «На человеческие злонравия вообще», находящуюся в сильной зависимости от «Сатиры VIII» Буало.

Первые пять сатир К. были известны задолго до их первого издания 1762 по

многочисленным рукописным спискам, их знали и высоко ценили М. В. Ломоносов («В российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общей апробациею приняты»), А. П. Сумароков (в первой редакции «Эпистолы о стихотворстве»), а Тредиаковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735) назвал К. «главнейшим и искуснейшим пиитом российским». Сатиры К. вызвали подражания: в 1738 появилась сатира «На состояние сего света. К солнцу» (она долгое время приписывалась К.), а в 1740-1760-х из семинарской среды вышло несколько сатир с прямыми заимствованиями из К. и развивавших его темы.

В нач. ноября 1731 в связи с возобновлением дипломатических отношений с Англией было принято решение о назначении К. туда резидентом. Сам К., давно желавший побывать за границей, был доволен предстоящей переменой в своей жизни. 1 января 1732 К. выехал из Москвы в СПб, а затем через Берлин и Гаагу в Лондон, куда прибыл 1 марта.

Первые годы пребывания в Англии были полностью посвящены многообразным дипломатическим заботам: К. способствовал заключению англо-рус, торгового соглашения (1734), добивался признания за рус. самодержцами императорского титула, помогал русским, обучавшимся в Англии, выполнял отдельные поручения. По своему почину К. поддерживал переписку с Петерб. Академией наук, закупал для нее приборы и научные издания.

По приезде в Англию К. выучил англ. язык и собрал библиотеку современных англ. авторов (книги Д. Локка, Дж. Свифта, А. Попа, моралистические журналы Д. Аддисона и Р. Стиля). Однако литературных знакомств в Лондоне не свел, его культурное окружение составляли жившие в Лондоне итал. дипломаты, художники и музыканты.

Служебные занятия оставляли мало времени для литературы, тем не менее в 1734 К. добился издания в англ. переводе труда своего отца «Оттоманская империя»; в 1735 он продолжил начатый в Москве перевод Юстина, а в 1735-1736 написал несколько од («песен»), из которых сохранилось четыре: «Противу безбожных», «О надежде на Бога», «На злобного человека», «В похвалу наук». В 1736-1737 К. также написал и послал в Россию кн. А. М. Черкасскому похвальные оды Петру I и на взятие Азова (не сохр.).

В 1736 К. перевел с греч. 55 стихотворений Анакреона («Анакреона Тиейца песни»). В своем филологически точном переводе, снабженном подробным комментарием, К. впервые использовал белый стих, опираясь на практику итал. переводчиков. Тогда же К. начал перерабатывать сатиры и полностью переписал «Сатиру V», которая в первоначальной редакции «почти вся состояла из речей французского сатирика» (т. е. Буало).

В Лондоне К. перевел с итал. книгу писателя-просветителя Ф. Альгаротти «Ньютонианство для дам» (не сохр.). В нач. 1738 К. написал «Сатиру VI» «О истинном блаженстве». Горацианская по тону сатира призывала к умеренной и добродетельной жизни, как истинному источнику счастья.

В сер. 1737, выполняя поручение рус. правительства, К. сблизился с фр. послом в Лондоне и содействовал налаживанию фр.-рус. отношений. В апреле 1738 он был пожалован в камергеры и назначен послом в Париж, куда прибыл в нач. сентября 1738. Он был уже опытным дипломатом и быстро вошел в курс дел. В отличие от Лондона круг общения К. в Париже был обширен: он сошелся с математиком П.-Л.-М. Мопертюи, с Ш. Монтескье, чьи «Персидские письма» перевел на рус. яз. (не сохр.), с Фонтенелем, с театральными деятелями и др.; переписывался с Вольтером. Эта переписка по вопросам рус. истории носила официальный характер; К. скептически относился к историческим опытам Вольтера и критически отзывался об «Истории Карла XII», в т. ч. и потому, что нашел там неточности, касающиеся его отца. Тем не менее именно К. стал первым рус. переводчиком Вольтера: в октябре 1743 он послал М. Л. Воронцову перевод стихотворения «О двух любвях».

В нач. 1739 К. написал «Сатиру VII» «О воспитании», обращенную к кн. Н. Ю. Трубецкому, в основе которой лежит типичная для XVIII в. идея о господствующем значении воспитания. Последняя небольшая сатира «На бесстыдливую нахальчивость» написана в кон. года. В обеих сатирах нет картин рус. действительности, что объясняется, по-видимому, долгим отсутствием автора на родине.

Несколько лет К. занимался переводом с лат. «Посланий» Горация, в мае 1740 он прислал в АН перевод десяти «Писем», издание которых было задержано до 1744. К 1742 К. завершил перевод двадцати двух «Посланий», выполненный нерифмованным тринадцатисложником, с подробным филологическим комментарием.

На рубеже 1730-1740-х К. приступил к переработке первых пяти сатир. Редактура затронула не только содержание, но и язык: в окончательной редакции значительно меньше церковнославянизмов, в то же время существенно усложнен синтаксис. Был переработан и стих сатир. С трактатом Тредиаковского (1735) К. был знаком, в нем, кстати, был процитирован первый стих «Сатиры I» К., но в «исправленном» виде — единственное в России печатное прижизненное упоминание сатир К. Силлабо-тонической теории Тредиаковского К. не принял (ни стихи, ни теоретические взгляды на стихосложение Ломоносова не были ему известны), о чем свидетельствует «Письмо Харитона Макентина <анаграмма имени и фамилии К.> к приятелю о сложении стихов русских» (1742). Отрицая новации Тредиаковского, К. пошел по пути модернизации силлабики: упорядочение ударных мест в окончаниях стихов и полустихий при свободном расположении ударений внутри стиха. В нач. 1743 «Письмо» попало к секретарю АН С. С. Волчкову. Академическая канцелярия решила напечатать «Письмо», но и это издание было задержано (в 1744 оно вышло вместе с переводом десяти «Писем» Горация). Теоретические взгляды К. признания не получили, в это время рус. поэзия уже не модернизировала силлабику, а усваивала силлабо-тоническую систему Ломоносова.

В 1742-1743 К. написал философский трактат в форме одиннадцати писем, получивший в науке название «Письма о природе и человеке». Основу трактата составил перевод книги Ф. Фенелона «Доказательство бытия Бога» (1712) и небольшой фрагмент из «Мыслей, размышлений и моральных правил» гр. Оксеншерны. К. подверг обсуждению широкий круг научных проблем (физика, астрономия, анатомия и др.) и попытался согласовать научный прогресс с церковной догматикой — такие сочинения были характерны для европейской мысли 1730-1740-х. Вместе с тем К. опустил опровержение Фенелоном эпикурейского учения и проклятия атеистам.

В 1742-1743 в рус. академических кругах распространились слухи о возможном назначении К. президентом АН (его кандидатуру поддерживал Л. Эйлер). К., который уже явно тяготился длительным пребыванием за границей, был готов занять этот пост, но назначение не состоялось. К. предпринял еще одну попытку издания своих сочинений на родине. В марте

1743 он переслал М. Л. Воронцову три свои рукописные книги: сборник сатир, переводы Юстина и Анакреона с просьбой представить их императрице, которой они были посвящены. Но и эта попытка потерпела неудачу. Отчаявшись увидеть сатиры в рус. печати, К. при помощи своего друга аббата Октавиана Гуаско перевел сатиры на итал. яз., а с этого перевода Гуаско перевел сатиры на фр. яз.

Здоровье К. стало резко ухудшаться, и он ездил лечиться на Ахенские (1741) и Пломбиерские (1743) источники. На длительное лечение в Италию его не отпускали, хотя рус. двор ценил заслуги К.-дипломата (в августе 1741 он получил чин тайн. сов.). Уже тяжело больной К. в нач. 1744 перевел с греч. знаменитое стоическое сочинение Эпиктета «Энхиридион» и начал «Сатиру IX», посвященную, по словам Гуаско, философии, но не закончил ее. Только в феврале 1744 К. разрешили поездку в Италию на четыре месяца без сохранения жалованья, но воспользоваться разрешением он уже не имел сил. К. скончался за границей. После длительных проволочек стараниями родных и за их счет останки К. были доставлены в сентябре 1745 в СПб, а затем в Москву. Похоронен в Николаевском греч. монастыре (могила не сохр.).

В 1749 Гуаско напечатал в Голландии на фр. языке «Сатиры» К., переизданные во Франции в 1750 (место изд. на тит. листах обоих изданий: Лондон). В 1752 в Берлине вышло издание «Сатир» на нем. языке (в переводе с фр.). Рус. издание было подготовлено только спустя 10 лет по поручению Академической канцелярии Я. С. Барковым (1762), который сознательно

внес в текст К. целый ряд изменений стилистического и лексического характера.

Соч.: Сочинения, письма и избр. переводы кн. А. Д. Кантемира. Т. 1-2. СПб., 1867-1868; Собр. стихотворений. Л., 1956.

Лит.: С е м е н т к о в с к и й Р. И. А. Д. Кантемир: Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893; М а й к о в Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903; П у м п я н с к и й Л. В. Кантемир // История русской литературы. Т. 3. М.; Л., 1941; Р а д о в с к и й М. И. А. Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959; В е с е л и т с к и й В. В. Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974; Б о б ы н э Г. Е. Философские воззрения А. Кантемира. Кишинев, 1981; Grasshoff H. A. D. Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966.

С. И. Николаев

(Опубл.: Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. Осмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 1. СПб.-М., 2003. С. 426–429)